

- Рожновская 1959 — *Рожновская М. Г.* Безличные предложения в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка / отв. ред. С. Б. Бернштейн. М.: Издательство АН СССР, 1959. С. 379–432.
- Koeva et al. 2012 — *Koeva S., Stoyanova I., Leseva S., Dimitrova T., Dekova R., Tarpatanova E.* The Bulgarian National Corpus: theory and practice in Corpus design // *Journal of Language Modelling*. 2012. Vol. 0. No. 1. P. 65–110.

Dative Inchoative Verbs in Bulgarian

This paper deals with the syntactic description of inchoative verbs of physiological state or emotion that denote a new state obtained by an experiencer argument, where the experiencer is expressed as a dative pronoun. Semantically, these verbs correspond to stative predicative constructions. Based on the analysis of corpus and dictionary data, we come to the conclusion that the inchoative verbs under discussion take three arguments — physiological state predicates assign an experiencer, a stimulus and a locative role, whereas predicates of emotion take an experiencer, a stimulus and an object of emotion. In addition, we present conclusions regarding the syntactic properties of each argument, as well as observations on the frequency of expression of the different arguments, where relevant.

DOI: 10.31168/0459-6.08

М. В. Ермолова (Москва, Россия)

О соотношении двух плюсквамперфектов в псковских говорах в сопоставлении с инославянским материалом

Как известно, для части севернорусских говоров (прежде всего, архангельских) характерно использование плюсквамперфектных форм типа *был*, *-а*, *-о*, *-и* + *-л*-форма. Детально

функционирование этих форм в архангельских говорах освещено С. К. Пожарицкой (Пожарицкая 1991, 1996, 2014 и др.). Как показал материал недавних экспедиций в Опочецкий район Псковской области, такого рода плюсквамперфект есть и в псковских говорах, однако на сегодняшний момент отсутствуют работы, посвященные функционированию, семантике и происхождению форм типа *был, -а, -о, -и + -л-*форма в псковских говорах. В докладе предлагается предварительное решение проблем, на которые необходимо будет обращать внимание при дальнейшем изучении данной темы по мере пополнения корпуса примеров с исследуемыми формами.

Сложность описания плюсквамперфектных форм в псковских говорах заключается в том, что наряду с формой *был, -а, -о, -и + -л-*форма существует форма *был, -а, -о, -и + -вши-/ши-*форма. Необходимо ответить на вопросы, какова грамматическая семантика этих форм, как они соотносятся друг с другом, членами каких грамматических категорий являются. Кроме того, здесь встает и терминологическая проблема: к каждой из обсуждаемых форм можно применить термин *плюсквамперфект*, так как плюсквамперфектом принято называть сложные формы прошедших времен.

Формы типа *был, -а, -о, -и + -вши-/ши-*форма

Формы типа *был, -а, -о, -и + -вши-/ши-*форма в опочецких говорах имеют ярко выраженное результативное значение, ср.:

(1) *Был у меня тогда. Нинка была померши, он жил у меня еще, в город не был уехавши жить, не был замуж вышедши.*

Нет никаких сомнений, что данную форму нужно рассматривать в ряду других результативных форм, обозначающих результат, помимо прошедшего, в настоящем и будущем временах и в сослагательном наклонении. Таким

образом, формы типа *был, -а, -о, -и + -вши/-ши*-форма являются граммемой прошедшего времени в грамматической категории перфекта (подробнее см. (Кузьмина, Немченко 1971: 219). Их можно называть плюсквамперфектом, так как и формально, и семантически они соответствуют тому, что принято обозначать данным термином (результативное значение — одно из основных типологически известных значений плюсквамперфекта (см. [Сичинава 2013: 25–28]). Однако, учитывая наличие в говорах еще другого ряда плюсквамперфектных форм, во избежание терминологической путаницы более удачным решением кажется называть анализируемые формы перфектом в прошедшем или перфектом прошедшего времени, как это делается в (Дьяченко и др. 2019), или новым плюсквамперфектом (по аналогии с термином *новый перфект*, которым часто называют перфектные формы на *-вши — -ши*).

В двух контекстах можно говорить об антирезультативном значении (в понимании В. А. Плунгяна (Плунгян 2001) — еще одним характерном¹ для плюсквамперфекта значении, когда плюсквамперфектной формой обозначается действие, которое не было достигнуто или результат которого был отменен. Рассмотрим один из них:

(2) (О попытке убежать от мужа). *А войти² некуда было. Была раз отошедши. И шла с Борькой. Только с кустов вышла — слышу топот конский, еще Леньки не было. Я оглянулась назад — уже он подъехал, ножик взят: «Не поедете со мной, сейчас зарежу обоих».*

Таких примеров на 42 примера с конструкциями типа *был, -а, -о, -и + -вши/-ши*-форма всего два. Очевидно, что антирезультативность является контекстуальной: на ре-

¹ Характерном для плюсквамперфекта как типологически, так и в истории русского языка, см. (Шевелева 2007; Сичинава 2013).

² Пск., значит 'уйти'.

результативное значение формы в контексте накладывается семантический компонент отмененности или недостижимости действия. Данный факт служит в пользу версии о происхождении антирезультативного значения плюсквамперфекта в истории русского языка из результативного, которую, анализируя древнерусский материал, отстаивает М. Н. Шевелева (Шевелева 2007: 219). Это противоречит гипотезе В. А. Плунгяна о связи антирезультативного значения со значением давнопрошедшего, основанной на типологических данных (Плунгян 2001). Возможно, эволюция значений плюсквамперфектных форм в истории русского языка шла по отличному от других языков сценарию.

Формы типа *был, -а, -о, -и + -л-форма*

В собранном нами материале отмечено 6 примеров с сочетанием *был, -а, -о, -и + -л-форма*. При рассмотрении таких сочетаний в говорах всегда встает проблема интерпретации глагола *быть*. Для корректного анализа необходимо определить, является ли он глаголом-связкой или самостоятельным бытийным предикатом (см. [Пожарицкая 2014: 218–220]). Во встретившихся нам контекстах *быть*, без сомнения, является связкой (в примерах отсутствует понижение тона или пауза, характерные для контекстов с полнознаменательным *быть*, а подстановка относительного местоимения или замена конструкцией «а было так, что...» невозможны). Следовательно, мы имеем дело с грамматической формой — плюсквамперфектом. В отношении псковских говоров мы предлагаем называть формы типа *был, -а, -о, -и + -л-форма* старым плюсквамперфектом.

Во всех примерах, кроме одного, формой старого плюсквамперфекта обозначается давнопрошедшее действие, не имеющее никакого отношения к настоящему; связка согласуется с подлежащим, ср.:

(3) *Тут мы чернику были собирали (про заросший бурьяном овраг, по которому гуляли вместе).*

Плюсквамперфект со значением давнопрошедшего следует интерпретировать, видимо, как граммему прошедшего времени, маркированную по признаку давности совершения действия и противопоставленную «обычному» прошедшему времени.

О соотношении двух плюсквамперфектов в инославянском контексте

Как славянским, так и языкам других групп и семей известны системы с двумя плюсквамперфектами (подробнее см. [Сичинава 2013: 47–52]). Так, ситуация, аналогичная ситуации в псковских говорах, наблюдается в македонском языке. В нем существуют две формы плюсквамперфекта: старая типа *бев видел* и новая типа *имав видено*. Новая форма выражает результирующее состояние, старая получает чисто таксисное значение, по (Friedman 1981; Фридман 1996), или значение давнопрошедшего, по (Fici 2001), ср. примеры из (Сичинава 2013: 48–49): *В шест саатот картите Мито веќе ги имаше купено* 'В шесть часов у Мито были куплены билеты'; *Той каза дека му го беше носил виното три пати* 'Он говорит, что он ему [когда-то] три раза приносил вино'.

В задачи доклада не входит подробный анализ материала македонского языка, однако само наличие в славянском идиоме ситуации, когда появляется новая результирующая форма плюсквамперфекта (естественно, наряду с новым результирующим перфектом³), а старая форма не выражает грамматического значения результата и ее значение в той или иной степени эволюционирует в сторону чистого таксиса и давнопрошедшего, кажется показательным и подтверждающим нашу трактовку диалектного материала.

---

³ О новых перфектах в македонском см., например, (Graves 2000; Макарова 2016).

Литература

- Дьяченко и др. 2019 — *Дьяченко С. В., Жидкова Е. Г., Тер-Аванесова А. В.* Формы перфекта и перфектные конструкции в говорах под Опочкой // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 22: Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (27–29 мая 2019 г.). М.: ИРЯ РАН, 2019. С. 213–229.
- Кузьмина, Немченко 1971 — *Кузьмина И. Б., Немченко Е. В.* Синтаксис причастных форм в русских говорах. М.: Наука, 1971.
- Макарова 2016 — *Макарова А. Л.* О формах и функциях перфекта в западномакедонских диалектах // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. 12. Ч. 2: Исследования по теории грамматики. Вып. 7: Типология перфекта / отв. ред. Т. А. Майсак, В. А. Плунгян, Кс. П. Семёнова. СПб.: Наука, 2016. С. 217–234.
- Плунгян 2001 — *Плунгян В. А.* Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. С. 50–88.
- Пожарицкая 1991 — *Пожарицкая С. К.* О семантике некоторых форм прошедшего времени глагола в севернорусском наречии // *Revue des études slaves*. Paris, 1991. Vol. 63. No. 4. P. 787–799.
- Пожарицкая 1996 — *Пожарицкая С. К.* Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // *Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1991–1993: сб. науч. тр. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; [отв. ред. В. В. Иванов].* М.: Наука, 1996. С. 268–279.
- Пожарицкая 2014 — *Пожарицкая С. К.* Конструкции с глаголом *быть* (*был, была, было, были*) в одном севернорусском говоре: к вопросу о плюсквамперфекте // *Contemporary approaches to dialectology. The area of North, North-West Russian and Belarusian dialects / ed. by Pja A. Seržant, Björn Wiemer.* Bergen: University of Bergen, Dept. of Foreign Languages, 2014. (Slavica Bergensia; vol. 12). P. 216–244.
- Сичинава 2013 — *Сичинава Д. В.* Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М.: АСТ-ПРЕСС, 2013.
- Фридман 1996 — *Фридман В.* О дифференциации темпоральности и аспектуальности в болгарском и македонском языках // *Вопросы языкознания.* 1991. № 1. С. 116–124.
- Шевелева 2007 — *Шевелева М. Н.* «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // *Русский язык в научном освещении.* 2007. № 2 (14). С. 214–252.

- Fici 2001 — *Fici F.* Macedonian perfect and its modal strategies // Македонски јазик. № 51/52. 2001. С. 61–88.
- Friedman 1981 — *Friedman V. A.* The pluperfect in Albanian and Macedonian // *Folia Slavica*. 1981. Vol. 4. No. 2/3. P. 273–282.
- Graves 2000 — *Graves N.* Macedonian — a language with three perfects? // *Tense and Aspect in the Languages of Europe* / ed. O. Dahl. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. (Empirical approaches to language typology; 20–6). P. 479–494.

On the Correlation of two Pluperfect Forms in Pskov Dialects in Comparison with the Material of other Languages

There are two pluperfect forms in Pskov dialects: “to be (past tense) + *vši*-form” and “to be (past tense) + *l*-form”. The first one has a resultative meaning and should be considered in the row of other perfective forms with the verb *to be* in the present tense, future tense and in the form of subjunctive mood. The second one has a meaning of discontinuous past. Apparently, it is a grammeme of the past tense and it is opposed to the “simple” past tense by the meaning of the irrelevance of the action to the present. There are similar systems with two pluperfect forms in other Slavic and non-Slavic languages.

DOI: 10.31168/0459-6.09

Г. П. Пилипенко (Москва, Россия)

Адаптация испанских глаголов в речи славян-переселенцев в Аргентине

На северо-востоке Аргентины в провинции Мисьонес (исп. Misiones) проживают носители украинских, польских, белорусских диалектов, потомки переселенцев трудовых мигрантов, которые начали обосновываться на этих землях с конца XIX в. Во время экспедиций, проводившихся с 2015 по 2019 г., были собраны нарративы, диалектные записи на